

— Её внешности? - переспрашивает Лиз, и между её бровями появляется морщинка. В столовой воцаряется мёртвая тишина, в воздухе повисает тяжёлое напряжение.

— Да. Верно. Я хотела бы услышать твою оценку её внешности.

— Я... не могу этого сделать... Внешность - это ещё не всё! Как я могу судить о человеке, основываясь только на этом? - требовательно спрашивает Лиз, глядя на меня с презрением.

Я знала, что она обязательно скажет нечто подобное! Именно этих слов я и ждала от неё!

— Независимо от того, что она носит или как выглядит, она мне нравится такой, какая она есть. Какая разница, как она выглядит! - говорит Лиз, её голос повышается ещё на октаву.

Её преданные последователи из толпы, похоже, тронуты её словами. Все они энергично кивают в ответ на её справедливое замечание.

— Дело не в том, нравится она тебе или нет. Мы говорим об оценке ценности, которую общество присваивает каждому человеку. А для остального общества важно не то, что внутри. Одного взгляда на внешность человека более чем достаточно для того, чтобы другие могли выносить обоснованные суждения.

— Это неправильно, - Лиз выглядит потрясённой самой мыслью об этом.

— Так ли это? - тихо спрашиваю я.

— Да! Это просто ужасно!

— Кто-то, кто уродлив внутри, как ты, должна сделать всем нам одолжение! Хватит уже ходить в Академию!

Внезапно толпа начинает шуметь, в мою сторону летят оскорбления и ненужные замечания. У меня такое чувство, будто меня перенесли в зоопарк. Я хотела бы, чтобы все они любезно держали рот на замке.

— А вы знали? На эту тему было проведено исследование. В нём сравнивали, как обращаются с тем, кто был одет в грязную, рваную одежду, и с тем, кто был одет в чистую одежду.

Пока я говорю, снова воцаряется тишина. Видя, как они успокаиваются и внимательно слушают, пока кто-то другой говорит, действительно показывает, насколько хорошим было их воспитание. Они не совсем уж глупы.

— Как вы думаете, каков был результат этого исследования? – тихо спрашиваю я, вглядываясь в лицо Лиз. Она молчит.

...Значит, она всё-таки не совсем слепа и ничего не замечает. У неё всё ещё есть голова на плечах, так что она, похоже, понимает некоторые вещи.

Что и следовало ожидать, Святая не может быть безнадёжной идиоткой.

— Никто не остановился, чтобы помочь человеку, одетому в рваную одежду. Все они проходили мимо, закрывая глаза на его страдания. Но человек, одетый в чистую одежду, с опрятным внешним видом, почти сразу же приковывал к себе взгляды людей, и ему предлагали свою помощь. И это всего лишь эффект, который простая одежда может оказать на людей. Обе роли играл один и тот же человек, так что мы можем быть уверены, что его внутренняя красота никак не повлияла на прохожих, – сказав это, уголки моих губ удовлетворённо приподнимаются. — Люди – это существа, которые живут, выбирая себе других людей. Конечно, это может быть бессознательным решением, но это не меняет того факта, что есть избранные и те, кого игнорируют и безжалостно бросают по малейшим причинам.

— Какое отношение всё это имеет к очарованию Эммы? – спрашивает Лиз. А рядом с ней эта девушка, Эмма, отчаянно кивает головой, глядя на меня.

— Если бы я оценила её внешность... Хм-м, давайте-ка посмотрим... Да. Думаю, я бы дала ей три очка. Интересно, значит ли это, что ей помогут, если она упадёт на обочину? – говорю я, оглядывая её с ног до головы.

При моих словах рот Эммы приоткрывается настолько, что в него можно засунуть целое яблоко. Лиз тоже не может поверить, что я только что сказала такое. Они обе таращатся на меня с одинаковым выражением ошеломлённого недоверия.

— Подожди, три очка? Откуда они вообще взялись? – спрашивает Гиллес, смотря на двух девушек с лёгкой усмешкой.

— Я не хотела давать ей ноль очков... Я лишь попыталась проявить сострадание.

— Странно слышать такое от тебя, Алисия. Ведёшь себя как какая-то Святая.

— Как грубо. Иногда я могу быть хоть немного внимательной к людям!

— Она очень милая и очаровательная! У неё нет ни одной плохой черты! – кричит Лиз, прежде чем Гиллес успеет ответить мне. Она выпрямила спину в праведном негодовании, вздёрнув подбородок, как гордый ангел-мститель, пытающийся взглянуть на нас сверху.

Похоже, я должна продолжать противостоять ей. Хотела бы я, чтобы кто-нибудь

сфотографировал это забавное противостояние. Это похоже на настоящую битву между злодейкой и Святой! Как чудесно!

— Несмотря на то, что она аристократка, её волосы в полном беспорядке и с секущимися концами, они явно нуждаются в том, чтобы их помыли. Они ужасно жирные и слипшиеся. У её носков торчат нитки, а их резинка явно искорёжена и деформирована от чрезмерного использования... Она точно не похожа на человека, с которым я хотела бы дружить.

И конечно, я серьёзно сомневаюсь, что она захочет стать со мной хоть на миллиметр ближе.

Глаза Эммы начинают сиять, смотря на меня. Хотя я и не уверена, что это от ярости, ненависти, горечи или какой-то комбинации этих трёх эмоций.

— Я не испытываю угрызений совести по отношению к тем, кто не "наряжается", как ты говоришь. Простота сама по себе не так уж плоха. Однако отсутствие украшений не делает ей никаких одолжений. Её полное пренебрежение к своей внешности бросается в глаза и, как я уже говорила, оставляет её с нулевым очарованием и привлекательностью.

— Ты же даже не знаешь её! Как ты можешь говорить такие ужасные вещи, не потрудившись сначала узнать её получше?!

— Именно потому, что я её не знаю, я и могу выносить лишь такие низменные суждения. И дело не только во мне. Ты можешь не притворяться, что веришь, что все остальные здесь не думают то же самое. Сколько людей ходили вокруг и шептались о том, как неприятно и жутко я выгляжу с этой повязкой на глазу? Я могла бы быть самым прекрасным добросердечным человеком в мире, и всё же незнакомые люди испытывали бы отвращение к моей нынешней внешности и инстинктивно находили бы меня неприятной.

Понимание озаряет лицо Лиз.

Если я буду продолжать в том же духе, разве мне не удастся наконец изменить её мнение о некоторых вещах?!

— И внешность - не единственное, по чему люди судят о других. Их действия также играют значительную роль. Когда женщина присаживается на корточки, чтобы что-то поднять, скромно ли она держит ноги вместе или широко раздвигает их, это производит совершенно другое впечатление. Твоя внешность и твои действия диктуют, как тебя будут видеть другие. Эта девушка не имеет физической привлекательности, и её действия сегодня были вульгарными и низкими в лучшем случае... Как ты думаешь, сколько людей до сих пор молчали о её внешности именно по этой причине? И наверняка они не будут молчать и дальше.

Я прерываю свою речь великолепной улыбкой, адресованной им обоим.

Лицо Эммы, которое всё это время приобретало бледный зеленоватый оттенок, внезапно становится испуганным и съёживается.

— Она лично снижает свою ценность, – добавляю я для верности.

— Даже если это так, всё будет хорошо, если она просто исправится с этого момента! – вызывающе говорит Лиз, не отступая.

...На данный момент можно с уверенностью предположить, что она поняла суть того, что я пыталась сказать ей, верно? Кажется, она, по крайней мере, поняла фундаментальную истину, что о каждом человеке неизбежно судят по его внешности.

— Встретив кого-то один раз, ты формируешь первое впечатление о нём, и очень трудно в дальнейшем изменить своё первое впечатление. В какой-то момент, даже если кому-то удастся полностью изменить свой образ, всякий раз, когда ты будешь видеть этого кого-то, ты в конечном итоге вспомнишь, каким он был раньше. Ты не сможешь не думать, что в глубине души он совсем не изменился.

— Тогда просто нужно перестать видеть их такими и поверить, что они действительно изменились.

— Каким бы прекрасным был мир, если бы всё происходило именно так? Но этих внезапных изменений недостаточно, чтобы изменить прежние впечатления. Хорошее впечатление – это то, что может быть построено медленно и неуклонно с течением времени. Как и с тобой, Лиз. Но чем более нетронутым является чей-то образ, тем более хрупким он становится. Достаточно одного тривиального промаха, чтобы разрушить с трудом заработанную репутацию. И как только общественное мнение испортится, требуется не что иное, как чудо, чтобы снова стать в глазах других тем, кем ты был раньше.

— Нет. Люди хотят видеть в других людях только лучшее. Она... сможет изменить себя с этого момента... к лучшему, – говорит Лиз-сан, серьёзно смотря прямо на меня.

Её глаза говорят мне, что она верит, что Эмма сможет изменить всю свою жизнь. Она не говорит это просто так. Любой может сказать, что она верит в это от всего сердца. Это одна из причин, почему все её так любят...

— Она, конечно, может измениться... Но, пожалуйста, не думай, что все люди могут и готовы приложить такие усилия, – спокойно отвечаю я.

Как наблюдатель Лиз, я должна убедиться, что у неё есть твёрдое, обоснованное понимание того, как на самом деле работает общество.

...Конечно, то, как я вижу мир, тоже не может быть идеальным его представлением... Там, где

она оптимистка, меня можно считать скорее пессимисткой, а реальность, скорее всего, где-то между нами. Однако ей нужно понять, что не все будут жить, следуя её идеалистической логике. Есть те, кто желает зла, те, кто не видит причин для перемен.

Например, её дорогая подруга может захотеть измениться, но она явно хотела причинить мне вред. Подумать только, она зашла так далеко, что записала мой голос, чтобы заманить меня в ловушку грязного плана. Она – живое доказательство того, что не все живут своей жизнью, пытаются быть совершенными маленькими ангелочками.

Конечно, такое событие не обязательно нежелательно для меня. Это не только оказалось отличным учебным материалом для Лиз, но и, вероятно, хорошим свидетельством того, что я стала влиятельной злодейкой в Академии. Наверное, это стоит отпраздновать!

Но я думаю, что использовала эту ситуацию в своих интересах, насколько это было возможно. Мне больше нет смысла оставаться здесь, так что, думаю, мне пора уходить.

...Ах! Точно! Чуть не забыла.

Я уже собиралась уйти, но внезапно быстро поворачиваюсь и иду к Эмме.

В напряжённой тишине только звук моих шагов звучит громко и отчётливо. Как будто в этот момент весь мир двигается вместе со мной.

Когда я подхожу ближе, Эмма смотрит на меня слегка испуганным взглядом.

— Твоя любимая Лиз считает, что ты и так достаточно очаровательна, так почему бы тебе не перестать прятать свои веснушки? – шепчу я ей на ухо.

Выражение её лица меняется, глаза расширяются.

— Как... ты... узнала? – спрашивает она меня немного хриплым голосом.

На самом деле я узнала это случайно. Если посмотреть на её лицо достаточно внимательно, их едва можно заметить.

Подумать только, я заметила то, чего не заметила даже Лиз, её подруга, слишком удивительная главная героиня. Может ли это означать, что я потрясающая?.. Нет, я не могу позволить себе забивать себе голову такими пустяками.

Сохраняя хладнокровие, я поворачиваюсь, чтобы выйти из столовой.

Мои братья и остальные мальчики открывают дорогу, чтобы я могла пройти мимо них. Конечно, они не выглядят особенно счастливыми, когда делают это. Их взгляды на меня удивительно остры.

Все, кроме Кертиса и Дюка, которые, как и всегда, наблюдают за мной с удивлением... Чтобы иметь возможность наслаждаться такой ситуацией... а это что такое? 70-ти летний мужчина?!

— Алисия... Если ты будешь продолжать в том же духе, то однажды окажешься в изоляции и одиночестве.

В тот момент, когда я собираюсь выйти за дверь, я слышу звонкий голос Лиз позади меня.

Когда-нибудь, - говорит она. По сути, я уже в изоляции и одиночестве.

Но это не имеет значения. Пока рядом со мной Гиллес, такие вещи меня не беспокоят.

— Я знаю, - отвечаю я ей, улыбнувшись через плечо. А затем мы с Гиллесом вместе выходим из столовой.

<http://tl.rulate.ru/book/39408/1346410>